

Грамматическая ловушка референции

Референциальная теория значения удобна для рассмотрения определенного набора случаев — таких, например, как в цитате из Августина, открывающей «Философские исследования» Витгенштейна, где ребенка обучают языку посредством указания на объекты и произнесения их имени.

Однако у этой теории есть свои проблемные места. Некоторые из них можно выявить при обращении к примерам обыденного словоупотребления — этим, собственно, и занимались представители ранней аналитической философии, в частности, Витгенштейн и Остин. Позиции этих двоих не так-то легко сопоставить, но при рассмотрении слабых сторон референциального задания значения можно найти один аргумент, в котором они занимательным образом пересекаются.

В пунктах 50-56 «Коричневой книги» Витгенштейн рассматривает серию интересных примеров, касающихся разговоров о прошлом и будущем: его внимание падает на употребление предложений, содержащих выражения типа «вчера», «год назад», «через пять минут», «до того, как я это сделал» и тому подобных. В языковых играх, к которым он обращается, абстрактные временные единицы (часы, минуты, дни) заменены в описании порядков событий и действий на иные показатели: например, ряд

положений стрелки на циферблате, ряд положений солнца на небе и т.д. Однако может показаться, что настоящая идея времени (того, что мы подразумеваем под временем) еще не включена в подобные описания, включен лишь некий «грубый» заменитель. В таком случае выходит, что идея «пяти часов» ('five o'clock') не подразумевает «часы» ('a clock'), что последние есть тот самый «грубый» заменитель, выполняющий функции указывания нам на то, что наступает пять часов ('five o'clock'), т.е. что существует идея «часа» ('an hour'), не включающая в себя инструмент измерения времени; что «пять часов» это некий конкретный момент во времени, и мы говорим о нем, употребляя «имя» этого момента.

Возникновение этой сущности связано с *грамматической ловушкой*: с употреблением по аналогии.

Вещи могут проходить, проноситься, перемещаться перед нашим взглядом. Витгенштейн приводит в пример бревна, сплавляемые вниз по реке. Ясно, что мы можем спокойно говорить о бревнах, находящихся внизу по течению, что они «прошли мимо нас», и о бревнах, находящихся вверху по течению, что они «пройдут мимо нас». Но затем мы берем эту (языковую) конструкцию и распространяем ее на все случаи, связанные с описанием времени: когда говорим, например, что «настоящее событие проходит» (как «бревно проходит»), или «будущее событие должно прийти» (как «бревно должно прийти»).

Именно так рождается красивая метафора «течения времени», в которой последнее подобно несущей бревна реке, а события — самим этим бревнам. Мы смешиваем высказывания о вещах с высказываниями о событиях, ощущениях, ментальных состояниях. Мы говорим «нечто произойдет» и «нечто приближается ко мне»; но во втором случае мы указываем на бревно, на объект, а в первом, получается, указываем на событие приближения ко мне этого объекта.

Остин в цикле лекций «Sense and Sensibilia» обращает внимание на выражение, также представляющее проблему для референциальной теории значения. Речь идет о слове «реальный» (важно отметить, что Остин занимался рассмотрением словоупотребления в английском языке, и в центре его внимания находилось слово 'real' — но в дальнейшем это слово будет переводиться не только как «реальный», но и как «настоящий», там, где это будет уместно).

Основной трудностью установления «реальности» чего-либо является практика подхода «субстанция/атрибут». Вот как это работает: некий человек, незнакомый с футболом, сталкивается с такой группой предметов, как

футбольный мяч, футбольное поле, футбольные ворота, футбольная форма и так далее. При этом он очень хорошо знаком с практикой употребления простых качественных прилагательных (т.е. называющих свойства, обычно воспринимаемые органами чувств) — таких, как, например, слово «желтый». Поэтому он начинает пристально вглядываться в перечисленные выше предметы, в надежде обнаружить некоторое объединяющее их качество «футбольности» — так же, как, на первый взгляд, можно обнаружить общее качество «желтизны» для желтых предметов. Очевидно, что это ему не удастся, и тогда он может сделать вывод, что это некоторое качество, постигаемое только с помощью интуиции и не данное нам в наглядном представлении.

То же, если задуматься, происходит и со словом «реальный». Рассматривая разные случаи его употребления («настоящие утки», «настоящие алмазы», «настоящие сливки»), мы можем не удержаться от соблазна заявить, что между всеми перечисленными предметами можно найти одно общее качество, а именно — качество Реальности.

На практике же (практике словоупотребления) для того, чтобы понять, что подразумевается под «настоящестью», нам нужно сначала выяснить, какая именно ситуация может считаться противоположной данной. Например, «настоящие сливки» — «настоящие» в каком смысле? Ведь «ненастоящие сливки» — «ненастоящие» не потому, что являются мимолетным продуктом процессов в нашем мозге. Мы можем сказать о какой-нибудь девушке: «Это ненастоящий цвет ее волос». Но мы не имеем в виду, что нам мешает освещение, и при каком-либо другом свете ее волосы будут иметь свой нормальный, «настоящий» цвет. Просто ее волосы окрашены.

Лучше всего слово «реальный» («настоящий») начинает скрипеть при столкновении с другим философски нагруженным словом — «форма». Какова «настоящая форма», «реальная форма» облака? Остин справедливо замечает, что на этот вопрос можно выдвинуть возражение, что облако не является «материальной вещью» (и поэтому не обладает «реальной формой»). Тогда мы вправе задать следующий вопрос: какова, в таком случае, «реальная форма» кошки? В какой позе кошки эта форма обнаруживается? Изменяется ли она, когда кошка приходит в движение? Или, быть может, задается путем элиминации множества форм, которых кошка определенно не имеет, — формы цилиндра, формы конуса и так далее?

Необходимость задаться вопросом о том, является ли что-то «настоящим», «реальным» или не является, возникает только тогда, когда у нас есть установленный способ

для данной конкретной вещи не быть «реальной»: мы будем говорить о «настоящем» цвете волос в противоположность «окрашенным» волосам, о «настоящих» алмазах в противоположность «поддельным» алмазам и о «настоящих» сливках в противоположность «искусственным» сливкам.

Как все это связано с нашей грамматической ловушкой? Для качественных прилагательных («желтый» и ему подобные) первостепенным является утвердительное употребление. Нам нужно знать критерии того, что значит «быть желтым», чтобы правильно употребить слово «желтый». Однако ключевым в случае со словом «реальный» является не некий критерий «реальности», а отрицательное употребление этого слова для каждого конкретного случая: утверждение о том, что что-то является «настоящим», имеет смысл только в свете конкретного аспекта, в каком оно может не быть «настоящим». «Ненастоящая утка» — «игрушка»; «ненастоящая свинья» — «животное, только напоминающее свинью», или, скажем, «чучело свиньи». Получается, что общий критерий отличия реального от нереального (настоящего от ненастоящего) сформулировать невозможно; невозможно подвести черту под все многообразие случаев — не быть «настоящей свиньей» можно в разных отношениях.

Но употребления, которые мы позволяем себе в случае с качественными прилагательными, заводят нас в эту ловушку и в случае с другими словами, и в случае со словом «реальный». Мы называем критерий «желтизны», и отправляемся на поиски критерия «реальности». Если мы задаем себе любимый философский вопрос «а реален ли этот стол?», хорошо бы уточнить, в каком именно способом стол может оказаться нереален.

Это ловушка, в которую заводит нас августирианская концепция языка: когда мы говорим, к примеру, о времени, мы говорим о нем точно таким способом, каким говорим о вещи, и эта аналогия может послужить соблазном предположить, что «время» это также некоторого рода сущность. Говорим о свойстве «реальности» с использованием тех же конструкций, которые употребляем в разговоре о «желтизне», и оказываемся вынуждены искать критерий «реальности». Эта путаница в грамматике и структуре, вдохновленная референциальной теорией значения, имеет, в общем-то, бесконечный потенциал для выведения новых сущностей. Говорим о «моем столе» и «моем стуле» и указываем на эти предметы; говорим о «моем понимании» и «моем умении» и испытываем желание тоже указать на что-нибудь, ввести некие специальные психические единицы для соответствия этим словам. Может, конечно,

показаться, что это не является такой уж большой проблемой; но объяснение, к примеру, процесса чтения (или понимания) через допущение наличия особенного ментального состояния «чтения» допускает то, что, собственно, и требуется объяснить, то есть не решает проблему, а просто некорректным образом уходит от вопроса.

Как видим из разобранных выше случаев, референциальная теория значения не универсальна. И дело здесь не в том, что в определенные моменты она не срабатывает; чисто синтаксически она срабатывает всегда, ощущения некорректно составленного высказывания не возникает. Именно это обнаруженная Витгенштейном и Остином грамматическая ловушка и демонстрирует: зачастую темная сторона августирианской картины языка остается от нас сокрыта, и на первый взгляд ошибок не обнаруживается — поэтому соблазн согласиться принять референциальную теорию значения может быть велик. Но не следует поддаваться соблазнам.

Анна Григорьева

Художник:
Ксения Сайфулина